Литрес ≡ Классика

Михаил Лермонтов

СТРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Михаил Юрьевич Лермонтов
Странный человек

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74688096
Странный человек. Романтическая драма / Михаил Юрьевич Лермонтов: Литрес Классик; Москва; 2026

Аннотация

Молодой дворянин Владимир Арбенин, наделённый глубоким критическим умом и отзывчивым сердцем, остро ощущает несправедливость и фальшь окружающего его светского общества. Его терзают горькие мысли о положении отечества, о крепостничестве и беззаконии, творимом помещиками. Столкнувшись с изменой возлюбленной, предательством друга и жестокостью отца, герой оказывается в трагическом разладе с миром, который не способен понять его гуманистических стремлений.

Содержание

Сцена I 6
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Михаил Лермонтов
Странный человек

Серия «Литрес Классика»

© «Литрес», 2026

Я решился изложить драматически происшествие истинное, которое долго беспокоило меня и всю жизнь, может быть, занимать не перестанет.

Лица, изображенные мною, все взяты с природы; и я желал бы, чтоб они были узнаны, тогда раскаяние, верно, посетит души тех людей… Но пускай они не обвиняют меня: я хотел, я должен был оправдать тень несчастного!..

Справедливо ли описано у меня общество? – не знаю! По крайней мере оно всегда останется для меня собранием людей бесчувственных, самолюбивых в высшей степени и полных зависти к тем, в душе которых сохраняется хотя малейшая искра небесного огня!..

И этому обществу я отдаю себя на суд.

The Lady of his love was wed with one.
Who did not love better…
. . . . .
. . . . .
…And this the world calls phrensy, but the wise
Have a far deeper madness, and the glance
Of melancoly is a fearful gift;
What is it but the telescope of truth?

Which strips the distance of its phantasies,
And brings life near in utter nakedness,
Making the cold reality too real!..
(The Dream. Lord Byron).[1]

[1] Женщина, которую он любил, была обвенчана с другим.Но тот любил ее не больше…. . . . . ….И это мир называет безумием, но безумие мудрецов глубже,И меланхолический взгляд – страшный дар;Не телескоп ли он, в который рассматривают истину,Телескоп, который сокращает расстояние и тем самым уничтожает фантазию,Приближает жизнь в ее истинной наготеИ делает холодную действительность слишком действительной.Сон. Лорд Байрон. (Англ.)

Сцена I

Утром. 26 августа.
(Комната в доме Павла Григорьевича Арбенина. Шкаф с

книгами и бюро.)

(Действие происходит в Москве.)

(Павел Григорич запечатывает письмо.)

Павел Григорич. Говорят, что дети в тягость нам, пока они молоды; но я думаю совсем противное. За ребенком надобно ухаживать, учить и нянчить его, а 20-летнего определяй в службу да каждую минуту трепещи, чтобы он какою-нибудь шалостью не погубил навеки себя и честное имя. Признаться: мое положение теперь самое критическое. Владимир нейдет в военную службу, во-первых, потому что его характер, как он сам говорит, слишком своеволен, а во-вторых, потому что он не силен в математике: куда же определиться? в штатскую? Все лучшие места заняты, к тому же… нехорошо!.. Воспитывать теперь самая трудная вещь; думаешь: ну, всё теперь кончилось! Не тут-то было: только начинается!.. Я боюсь, чтобы Владимир не потерял добрую славу в большом свете, где я столькими трудами достиг до некоторой значительности. Тогда я же буду виноват; про меня же скажут, как намедни, что я не воспитывал его сообразно характеру. Какой же в его лета характер? Самый его характер есть бесхарактерность. Так: я вижу, что не довольно строго держал сына моего. Какая польза, что так рано развились его чувства и мысли?.. Однако же я не отстану от своих планов. Велю ему выйти в отставку года через четыре, а там женю на богатой невесте и поправлю тем его состояние. Оно по

милости моей любезной супруги совсем расстроено; не могу вспомнить без бешенства, как она меня обманывала. О! коварная женщина! Ты испытаешь всю тягость моего мщения; в бедности, с раскаяньем в душе и без надежды на будущее, ты умрешь далёко от глаз моих. Я никогда не решусь увидать тебя снова. Не делал ли я всё, чего ей хотелось? И обесчестить такого мужа! Я очень рад, что у нее нет близких родных, которые бы помогали. *(Молчание.)* Кажется, кто-то сюда идет… так точно…

(Входит Владимир Арбенин.)

Владимир. Батюшка! здравствуйте…

Павел Григорич. Я очень рад, что ты пришел теперь. Мы кой об чем поговорим: это касается до будущей твоей участи…

Но ты что-то невесел, друг мой! Где был ты?

Владимир *(бросает на отца быстрый и мрачный взор).* Где я был, батюшка?

Павел Григ<орич>. Что значит этот пасмурный вид? Так ли встречают ласки отца?

Владимир. Отгадайте, где я был?..

Павел Григ<орич>. У какого-нибудь тебе подобного шалуна, где ты проиграл свои деньги, или у какой-нибудь прекрасной, которая огорчила тебя своим отказом. Какие другие приключения могут беспокоить тебя? Кажется, я от-

гадал…

Владимир. Я был там, откуда веселье очень далеко; я видел одну женщину, слабую, больную, которая за давнишний проступок оставлена своим мужем и родными; она – почти нищая; весь мир смеется над ней, и никто об ней не жалеет… О! батюшка! эта душа заслуживала прощение и другую участь! Батюшка! я видел горькие слезы раскаяния, я молился вместе с нею, я обнимал ее колена, я… я был у моей матери… чего вам больше?

Павел Григ<орич>. Ты?..

Владимир. О, если б вы знали, если б видели… отец мой! Вы не поняли эту нежную, божественную душу; или вы несправедливы, несправедливы… я повторю это перед целым миром, и так громко, что ангелы услышат и ужаснутся человеческой жестокости…

Павел Григ<орич> *(его лицо пылает).* Ты смеешь!.. Меня обвинять, неблагодар…

Владимир. Нет! вы мне простите!.. Я себя не помню… Но посудите сами: как мог я остаться хладнокровным? Я согласен, она вас оскорбила, непростительно оскорбила; но что она мне сделала? На ее коленах протекли первые годы моего младенчества, ее имя вместе с вашим было первою моею речью, ее ласки облегчали мои первые болезни… и теперь, когда она в нищете, приехала сюда, мог ли я не упасть к ее ногам… Батюшка! она хочет вас видеть… я умоляю… если мое счастье для вас что-нибудь значит… Одна ее чистая сле-

за смоет черное подозрение с вашего сердца и удалит предрассудки!..

Павел Григ<орич>. Слушай, дерзкий! я на нее не сердит; но не хочу, не должен более с нею видеться! Что скажут в свете?..

Владимир *(кусая губы).* Что скажут в свете!..

Павел Григ<орич>. И ты очень дурно сделал, сын мой, что не сказал мне, когда поехал к Анне Дмитревне; я бы дал тебе препорученье…

Владимир. Которое бы убило последнюю ее надежду? Не так ли?..

Павел Григ<орич>. Да, да! Она еще недовольно наказана… эта сирена, эта скверная женщина…

Владимир. Она моя мать.

Павел Григ<орич>. Если опять ее увидишь, то посоветуй ей не являться ко мне и не стараться выпросить прощенья, чтобы мне и ей не было еще стыднее встретиться, чем было расставаться.

Владимир. Отец мой! Я не сотворен для таких препоручений.

Павел Григ<орич> *(с холодной улыбкой).* Довольно об этом. Кто из нас прав или виноват, не тебе судить. Через час приходи ко мне в кабинет: там я тебе покажу недавно присланные бумаги, которые касаются до тебя… Также тебе дам я прочитать письмо от графа, насчет определения в службу. И еще прошу тебя не говорить мне больше ничего о своей

матери – я прошу, когда могу приказывать! *(Уходит.) (Владимир долго смотрит ему вслед.)*

Владимир. Как рад он, что имеет право мне приказывать! Боже! Никогда тебе не докучал я лишними мольбами; теперь прошу: прекрати эту распрю! Смешны для меня люди! Ссорятся из пустяков и отлагают час примиренья, как будто это вещь, которую всегда успеют сделать! Нет, вижу, должно быть жестоким, чтобы жить с людьми; они думают, что я создан для удовлетворенья их прихотей, что я средство для достижения их глупых целей! Никто меня не понимает, никто не умеет обходиться с этим сердцем, которое полно любовью и принуждено расточать ее напрасно!..

(Входит Белинской, разряженный.)

Белинской. А! здравствуй, Арбенин… здравствуй, любезный друг! что так задумчив? Для чего тому считать звезды, кто может считать звонкую монету? Погляди на меня; бьюсь об заклад, я отгадал, об чем ты думал.

Владимир. Руку! *(Жмет ему руку.)*

Белинской. Ты думал о том, как заставить женщину любить или заставить ее признаться в том, что она притворялась. То и другое очень мудрено, однако я скорей возьмусь сделать первое, нежели последнее, потому что…

Владимир. О чем ты болтаешь тут?

Белинской. О чем? Он поглупел или оглох! Я говорил о

царе Соломоне, который воспевал умеренность и советовал поститься, а сам был не из последних скоромников… ха! ха! ха!.. Ты верно ждал, чтоб твоя любезная прилетела к тебе на крылиях зефира… нет, потрудись-ка сам слетать. Друг мой! кто разберет женщин? В минуту, когда ты думаешь…

Владимир *(прерывает его).* Где был ты вчера?

Белинской. На музыкальном вечере, так сказать. Дети делали отцу сюрприз по случаю его именин; они играли на разных инструментах, и для них и для отца это очень хорошо. Несмотря на то, гостям, которых было очень много, было очень скучно.

Владимир. Смешной народ! Таким образом глупое чванство всегда отравляет семейственные удовольствия.

Белинской. Отец был в восхищении и к каждому обращал глаза с разными телодвижениями; каждый отвечал ему наклонением головы и довольною улыбкой, и, уловя время, когда бедный отец обращался в противную сторону, каждый зевал беспощадно… Мне показались жалкими этот отец и его дети.

Владимир. А мне жалки бесстыдные гости; не могу видеть равнодушно этого презрения к счастию ближнего, какого бы роду оно ни было. Все хотят, чтобы другие были счастливы по их образу мыслей – и таким образом уязвляют сердце, не имея средств излечить. Я бы желал совершенно удалиться от людей, но привычка не позволяет мне… Когда я один, то мне кажется, что никто меня не любит, никто не за-

ботится обо мне… и это так тяжело, так тяжело!..

Белинской. Эх! полно, братец, говорить пустяки. Товарищи тебя все любят… а если есть какие-нибудь другие неприятности, то надо уметь переносить их с твердостью… всё проходит, зло, как добро…

Владимир. Переносить! Переносить! Как давно твердят это роду человеческому, хотя знают, что таким увещаниям почти никто не следует… Некогда и я был счастлив, невинен, но те дни слишком давно соединились с прошедшим, чтобы воспоминание о них могло меня утешить. Вся истинная жизнь моя состоит из нескольких мгновений, и всё прочее время было только приготовление или следствие сих мгновений… Тебе трудно понять мои мечты, я это вижу… друг мой! Где найду я то, что принужден искать?

Белинской. В своем сердце. У тебя есть великий источник блаженства, умей только почерпать из него. Ты имеешь скверную привычку рассматривать со всех сторон, анатомировать каждую крошку горя, которую судьба тебе посылает; учись презирать неприятности, наслаждаться настоящим, не заботиться о будущем и не жалеть о минувшем. Всё привычка в людях, а в тебе больше, чем в других; зачем не отстать, если видишь, что цель не может быть достигнута. Нет! вынь да положь. А кто после терпит?

Владимир. Не суди так легкомысленно. Войди лучше в мое положение. Знаешь ли, я иногда завидую сиротам; иногда мне кажется, что родители мои спорят о любви моей, а

иногда, что они совсем не дорожат ею. Они знают, что я их люблю, сколько может любить сын. Нет! зачем, когда они друг на друга косятся, зачем есть существо, которое хотело бы их соединить вновь, перелить весь пламень юной любви своей в их предубежденные сердца! Друг мой! Дмитрий! я не должен так говорить, но ты ведь знаешь всё, всё; и тебе я могу поверять то, что составляет несчастье моей жизни, что скоро доведет меня до гроба или сумасшествия.

Белинской. Магомет сказал, что он опустил голову в воду и вынул, и в это время 14-тью годами состарился; так и ты в короткое время ужасно переменился. Расскажи-ка мне, как идут твои любовные похождения? ты нахмурился? скажи: давно ли ты ее видел?..

Владимир. Давно.

Белинской. А где живут Загорскины? их две сестры, отца нет? так ли?

Владимир. Так.

Белинской. Познакомь меня с ними. У них бывают вечера, балы?

Владимир. Нет.

Белинской. А я думал… однако всё не мешает… Познакомь меня…

Владимир. Изволь.

Белинской. Расскажи мне историю твоей любви.

Владимир. Она очень обыкновенна и тебя не займет!..

Белинской. Знаешь ли ты кузину Загорскиных, *княжну*?

Вот прехорошенькая и прелюбезная девушка.

Владимир. Быть может. В первый раз, как я увидал ее, то почувствовал какую-то антипатию; я дурно об ней подумал, не слыхав еще ни одного слова от нее. А ты знаешь, что я верю предчувствиям.

Белинской. Суевер!..

Владимир. Намедни я поехал верхом; лошадь не хотела идти в ворота; я ее пришпорил, она бросилась, и чуть-чуть я не ударился головой об столб. Точно так и с душой: иногда чувствуешь отвращение к кому-нибудь, принудишь себя обойтись ласково, захочешь полюбить человека… а смотришь, он тебе плотит коварством и неблагодарностью!..

Белинской *(смотрит на часы).* Ах, боже мой! а мне давно ведь пора ехать. Я к тебе забежал ведь на секунду…

Владимир. Я это вижу. Куда ты спешишь?

Белинской. К графу Пронскому – скука смертельная! а надо ехать…

Владимир. Зачем же надобно?

Белинской. Да так…

Владимир. Важная причина. Ну, прощай.

Белинской. До свиданья. *(Уходит.)*

Владимир. Люблю Белинского за его веселый характер! *(Ходит взад и вперед.)*

Как моя голова расстроена; всё в беспорядке в ней, как в доме, где пьян хозяин.

Поеду… Увижу Наташу, этого ангела! Взор женщины, как

луч месяца, невольно приводит в грудь мою спокойствие. *(Садится и вынимает из кармана бумагу.)* Странно! вчерась я отыскал это в своих бумагах и был поражен. Каждый раз, как посмотрю на этот листок, я чувствую присутствие сверхъестественной силы, и неизвестный голос шепчет мне: «Не старайся избежать судьбы своей! так должно быть!» Год тому назад, увидав ее в первый раз, я писал об ней в одном замечании. Она тогда имела на меня влияние благотворительное, а теперь – теперь, когда вспомню, то вся кровь приходит в волнение. И сожалею, зачем я не так добр, зачем душа моя не так чиста, как бы я хотел. Может быть, она меня любит; ее глаза, румянец, слова… какой я ребенок! – всё это мне так памятно, так дорого, как будто одними ее взглядами и словами я живу на свете. Что пользы? Так вот конец, которого я ожидал прошлого года!.. Боже! боже! чего желает мое сердце? – Когда я далеко от нее, то воображаю, что́ скажу ей, как горячо сожму ее руку, как напомню о минувшем, о всех мелочах… А только с нею – всё забыто; я истукан! душа утонет в глазах; всё пропадет: надежды, опасенья, воспоминания… О! какой я ничтожный человек! Не могу даже сказать ей, что люблю ее, что она мне дороже жизни; не могу ничего путного сказать, когда сижу против этого чудного созданья! *(С горькой улыбкой)*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.